

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. О возрождении ведьмовства.....	7
Глава 2. Ведьмовской шабаш	19
Глава 3. Происхождение ведьмы	41
Глава 4. Промежуточные миры.....	52
Глава 5. Атрибуты ведьмы.....	71
Глава 6. Типичные представители английских ведьм	93
Глава 7. Ведьма древности.....	103
Глава 8. Ведьма в Греции и Риме.....	112
Глава 9. От язычества к христианству.....	128
Глава 10. Булла о ведьмах и ее последствия	145
Глава 11. Преследования ведьм в Англии в недавнем прошлом	159
Глава 12. Преследования ведьм в Шотландии.....	179
Глава 13. Преследования ведьм в других странах	194
Глава 14. Настойки, талисманы и зелья.....	213
Глава 15. Ведьма в художественной литературе	231
Глава 16. Примеры ведьм в наши дни	243

Предисловие

Если какой-то читатель, открыв эту книгу, решит, что перед ним исчерпывающий трактат о ведьмах и ведьмовстве с научной, исторической и прочих точек зрения, я поспешу разочаровать его. Ведьма занимает столь большое место в истории человечества, что для того, чтобы осветить всю ее естественную историю во всех подробностях, да еще в формате одного тома, потребовались бы способности мага не менее могущественного, чем заточившего восточного джинна в бутылку. Я не пытался создать нечто столь же амбициозное, а скорее нарисовал картину, на основе которой можно составить общее впечатление о данном феномене. Иначе говоря, я выбрал из огромной массы материала лишь то, что показалось мне необходимым для решения моей непосредственной задачи. Я, опять же, попытался показать, откуда пришла ведьма и почему, а также кем она была и является. Я хотел показать, насколько она необходима для благополучия человечества и насколько велика ответственность тех, кто, не веря в нее, стремится заразить окружающих своим скептицизмом.

В наш механический век у нас осталось не так уж много живописных ландшафтов, поэтому сейчас самая пора уделить внимание одной из самых освященных временем и романтических картин. А если что-то из написанного мной здесь покажется вам несовместимым со здравым смыслом или фактами, я хотел бы, в качестве оправдания, сказать, что для свято верующего в ведьмовство и первое, и второе не так уж важны, и добавлю, что для того, чтобы досконально разобраться в данном предмете, необходимо первым делом отбросить стереотипы нашего XIX века.

Я выражаю благодарность своим многочисленным друзьям, помогавшим мне работать с материалом, и в особенности мисс Мюриэл Харрис, чья неоценимая помощь сильно облегчила выполнение моей задачи.

Лондон, сентябрь 1908 года

Глава 1.

О возрождении ведьмовства

На первый взгляд может показаться, что тот, кто призывает к возрождению ведьмовства, сталкивается с задачей более трудной, чем оживление скелета, и уже хотя бы потому, что костей, которые он вознамерился оживить, никогда не было. Образованный класс (а к нему причисляет себя всякий, кто учился в начальной школе), единодушно заявляет, что такой личности, как ведьма, никогда не было, никогда не могло быть и никогда не будет. Правда, все еще есть группа из тех (их становится все меньше), кто, сохраняя безоговорочную веру в буквальную точность ниспосланной Богом религии, утверждает, что ведьмовство (наряду с Райским садом, великанами и предводителями евреев, способными влиять на движение солнца и луны) процветало при Ветхом завете, хотя при Новом стало чем-то неслыханным и баснословным. И все же, говоря в целом, в сознании цивилизованных людей ведьмы вымерли так же, как и дронг, а посему всякий, кто принимает как Евангелие прорицания «знатоков» на скачках или с безоговорочной верой глотает патентованные лекарства, в то же время морализирует о безграничности человеческих суеверий, стоит ему прочесть где-нибудь о том, что знахари все еще практикуют на западе Африки, а сицилийские крестьяне до сих пор щедро оплачивают трюки фальшивых колдунов.

Если бы реальность колдовства зависела от референдума наших университетов (или, если уж на то пошло, наших школьных учителей), оно сразу же было бы объявлено вопиющим обманом. К счастью для ведьм, «просвещенные», даже если мы включим в их число всех, кто принимает науку как новое Евангелие, являются всего лишь маленькой, смехотворно маленькой

частью рода человеческого. По сравнению со всем населением мира, их численность настолько мала, что их все равно как нет вовсе. Всего в нескольких милях от столицы существуют деревни, где ведьма так же прочно воцарилась в воображении местных жителей, как и в воображении их предков триста лет назад. Многие британские законодатели отказались бы начинать предвыборную кампанию в пятницу. Я сам знаком с человеком, который в течение последнего десятилетия тяжело пострадал (сам и через своих детей) от рук ведьм, имена и местонахождение которых он может сообщить. И я знал женщину (она держала ночлежку), которая, если и не была сама ведьмой, то была дочерью ведьмы, и ей приписывали немалые способности. Правда, если принять на веру историю дочери, рассказанную мне в маленькой гостиной в паузах между грохотом электрических трамваев и грузовиков, то дарам ее матери нашлось далеко не худшее применение: лечение мелких недугов ее Девонширских ближних.

Чтобы найти материал для возрождения черной магии, нет необходимости уезжать за пятьдесят или даже пять миль от Лондона. Не проходит и недели, чтобы какая-нибудь старая карга не предстала перед магистратом, обвиненная в том, что она выманивала деньги у глупых служанок под предлогом предсказания будущего. Вы не сможете пройти по Бонд-стрит в сезон, не наткнувшись на торговцев воздухом, которые, сами вполне сохраняя здравомыслие, зарабатывают копеечку на службе у того или иного общества: созерцателей кристаллов,

хиромантов или ясновидящих. Кто не видел рекламу в журнале с предложением открыть будущее, «на основе астрологических гороскопов», за весьма умеренную плату в полкроны? Рекламодатель (из уважения к современным традициям его называют профессором, а не колдуном) выставляет в выгодном свете свое мастерство по части френологии, графологии, ясновидения и психометрии. И этот рекламодатель – лишь один из многих. Все они стремятся получить пусть даже скромную прибыль, следуя по стопам Дианы и старухи Демдаик из Пендла.

Разве нет в мире великого множества обществ избранных, каждое со своей группой ревностных приверженцев (многие из них снабжены официальными органами, публикующими материалы более-менее регулярно и с внушительными тиражами), открыто пропагандирующих «искусства», которые два столетия назад навлекли бы на их членов обвинение в колдовстве? Разве спиритуализм не возведен в международный культ? Само существование такого кружка, как «Клуб тринадцати», члены которого поклялись демонстрировать всюду свое презрение к унижающим человеческое достоинство суевериям, является сильнейшим аргументом в пользу их повсеместного уважения. Самый интересный факт из всех заключается в том, что именно в Америке, Новом Свете, родине всего самого современного и просвещенного, мы находим суеверия, требующие самой безоговорочной веры. Достаточно лишь просмотреть рекламные страницы популярного американского журнала, чтобы понять, насколько Новый Свет опередил Старый в своей слепой приверженности этой форме веры. Нигде гипнотическое, mesmerическое, экстрасенсорное шарлатанство не обладает такой неоспоримой властью над людскими умами.

В «Воспоминаниях придворной дамы» леди Шарлотты Бэри мы находим пример веры в ведьмовство, бытующей в высших кругах общества XIX века. О несчастной принцессе, впоследствии королеве, Каролине, жене Георга IV, она пишет следующее: «После обеда ее королевское высочество, как обычно, сделала восковую фигурку и любезно дополнила ее большими рожками,

после чего вынула из своего платья три булавки, проткнула ими фигурку насквозь и поставила ее плавиться на огне. По словам леди Шарлотты, принцесса предается этому развлечению всякий раз, когда за столом нет посторонних. Она полагает, что у ее королевского высочества действительно есть суетная вера в то, что уничтожение истукана ее мужа приведет к уничтожению его королевской особы». Мы смеемся над этим примером монаршего легковерия, но разве фигурка-талисман не является привычным для нас предметом? Мадам де Монтеспан, как известно, прибегла, и не без успеха, к черной магии, чтобы завоевать расположение Людовика XIV. Прошло всего несколько лет с тех пор, как полиция обратила внимание на действия этого общества, по большей части из деятелей, возродивших в Париже XX века культ поклонения Дьяволу. Лондонские газеты того времени всерьез обсуждают в «специальных» статьях ценность различных талисманов для автомобилистов и публикуют длинные отчеты о прорицаниях того или иного спиритуалиста или некой знахарки в отношении вероятных исполнителей загадочных убийств. И это не преувеличение, в чем может убедиться каждый, кому хватит терпения изучить подшивки ежедневной лондонской прессы за 1907 год. И следует помнить, что самопровозглашенная миссия современной прессы состоит в том, чтобы отражать общественное мнение, как наиболее очевидный способ просветить народ.

При таких обстоятельствах легко поверить в возможность возрождения веры в ведьмовство даже в самых цивилизованных странах современного мира. Более того, далеко не факт, что такое возрождение будет прискорбным. Предположим, что во имя ведьмовства были пролиты моря невинной крови, но ведь то же самое можно сказать и о христианстве, патриотизме, свободе, а также о десятках других совершенно безупречных идеалов. Как и в случае с ними, полное исчезновение суеверий о ведьмовстве могло бы иметь не менее катастрофические последствия, чем, например, всемирное насаждение европейской моды в одежде. Даже если мы толкуем суеверие в приземленном

смысле этого слова, как суетную веру, нам все равно не стоит отрицать роль ведьмовства в облегчении человеческой участи.

Весьма значительная (возможно, даже большая) доля человеческого благополучия основана на верованиях.

Мир был бы унылым, жалким и невыносимым местом, если бы мы верили только в то, что нам внушает наша бесчувственная мачеха, Наука. Она уже испытывает наше терпение (людей, которых угораздило цивилизоваться), поскольку мы отказались от суждений на основе чувств в пользу математических вычислений. И хотя, возможно, было бы преувеличением утверждать, что число самоубийств увеличилось пропорционально упадку ведьмовства, по крайней мере, несомненно, что в прошлом во многом благодаря суевериям того или иного рода человечество смирялось со своей участью.

Ученый отнял у нас романтику. Он отобрал у многих из нас надежду на Небеса, не дав нам ничего из того, чем можно было бы заменить их. Он сводит красоту природы к формуле, так что мы больше не можем считать примулу первоцветом. Он отказывает нам даже в особом праве считать наши добродетели и пороки чем-то большим, чем неизбежный результат воздействия окружающей среды или наследственности.

С каждым днем ученый крадет все больше нашей человечности, сдирает с нас еще одно из немногих жалких одеяний фантазии, защищающих нас от Невыносимого. Это поистине Дьявол наших дней, навязывающий нам знания, хотим мы того или нет. А мы, вместо того чтобы проклинать его, как это было принято у наших предков, возлагаем наше счастье на его алтари, как если бы он и вправду был Богом, которого он объяснил. На каком основании? Исключительно на основании собственных измышлений.

С какой стати мы должны привечать ученого больше, чем его бабушку, ведьму? Мы вовсе не обязаны славить ученого и отвергать то, что он называет пустыми мечтаниями. Пусть он открывает для себя все, что ему угодно – это лишь убедитель-

нее подтверждает безграничность его и нашего невежества. Да, он может творить чудеса, но то же самое делала ведьма. Ученый пренебрежительно относится к искусству, которого боялись наши предки, а наши потомки будут смеяться над ним, гордящимся своими знаниями, как над хвастливым ребенком. Во всем мире уже появились признаки того, что, какими бы ни были успехи человека от науки в материальном мире, человечество готово восстать против его тирании над Невидимым.

Бесчисленные новые религиозные общины, целый сонм этических причуд, возрождение множества древних верований (спиритуалистов, теософов, христианских ученых, толстовцев и прочих) – все это одинаково зримые признаки бунта человека против того, чтобы его низводили до атома под микроскопом.

И среди таких беспокойных вод ведьмовство вполне может вновь вступить в свои права. Ибо оно, как и все прочее, извлекало счастье из несчастья. Рассмотрим неудачливого человека. Будучи просвещенным, он не сможет никого винить в своих печалях и нигде не найдет утешение, ибо все происходит по непреложным законам. Он болен, беден, несчастен, потому что так велит Закон Неизбежного; у него нет Бога, которому он мог бы молиться о каком-нибудь блажном облегчении; он не может купить удачу у Дьявола даже ценой своей души, поскольку нет ни Бога, ни Дьявола, ни удачи, ни зла – нет ничего, кроме невозмутимо вращающихся шестеренок, к механизму которых он привязан. Разве он не был бы счастливее, если бы мог найти старую ведьму, чьи чары дали бы ему надежду, даже если она так и не осуществится?

Конечно, это было бы лучше для него. Мы слышим: если бы Бога не было, его надо было бы придумать. А вместе с Ним и Дьявола, добрых и злых духов, и удачу, и зло, и суеверия, сколько мы сможем втиснуть в свою голову – все, что может спасти нас от ужасной концепции машинного детерминизма, от которого нет спасения, из-за которого нет будущего. Конечно, было бы лучше обречь на казнь несколько тысяч пожилых женщин во имя суеверий, предать огню и мечу несколько миллионов

представителей рода людского во имя религии, чем обречь все человечество на такую судьбу.

Следует также помнить, что и у самой ведьмы есть причина для обиды на погубивших ее ученых глупцов, ибо жизнь ведьмы не была лишена приятностей. Подумайте сами. Без своего ведьмовства она была всего лишь жалкой, вечно голодной, сморщенной старухой, никому не нужной, уродливой, всеми презираемой и глубоко несчастной. Благодаря ведьмовству она обрела Власть. Ее боялись и, возможно, ненавидели, но главное – боялись. К тому же ей оказывали услуги, искавшие у нее помощи. Она снова была важной персоной, человеком с положением, выделяющимся из общей массы. Несомненно, это с лихвой перевешивало опасную перспективу умереть на костре. К тому же такая казнь имела свои плюсы. Она было жестокой, но едва ли более мучительной, чем медленная смерть от голода. Если она знала, что на ней нет вины, то знала и о том, что ее короткая агония – лишь прелюдия к вечной награде, как мученицы. Если же она считала, потеряв последний ум от тягот жизни, что продалась Дьяволу, то ее утешала мысль о том, что сам Князь Тьмы, едва ли уступающий Всемогущему, и только Ему, выбрал ее среди всех женщин деревни себе в помощницы! А раз так, то разве не остается еще надежда, что он, как и обещал, может появиться даже в неурочный час, чтобы защитить своих? Если он потерпит неудачу, у ведьмы будет очень мало времени, чтобы осознать этот факт.

Если ведьмы для нас и в самом деле не существуют, то потому, что мы убили их смехом, так было загублено много добрых и злых дел. Если бы мы смеялись над ними с самого начала, тогда их, возможно, никогда бы не было. Но что касается их отношений с наукой, то вся масса доказательств говорит в их пользу. Таков всеобщий вердикт истории. На протяжении бесчисленных веков, пока человечество господствовало на земле, их деятельное существование никогда не подвергалось сомнению, вплоть до нескольких последних поколений. Лучшие и мудрейшие люди среди их современников видели ведьм, го-

ворили с ними, испытывали на себе их способности и страдали от них, судили, приговаривали и казнили их. Каждая нация, каждое столетие в равной степени свидетельствуют об их выдающемся мастерстве. Даже сегодня, за исключением крошечной группы чрезмерно образованных насмешников, происходящих по большей части из расы, печально известной своими предрасудками, весь мир принимает их без тени сомнения.

В августе текущего года в Уитеме, городке в Эссексе, менее чем в пятидесяти милях от Лондона, слушалось дело, в котором подсудимый обвинялся в нападении на другого мужчину, будто бы околдованный его женой. В качестве доказательства ответчик заявил, что жену потерпевшего считали ведьмой все местные жители. В других городах и деревнях ситуация не лучше. Смеем ли мы, в таком случае, принять мнение столь немногих вопреки опыту и вере столь многих? Если да, то не должны ли мы также выбросить за борт всю историю? Нам говорят, что Аттила, Магомет, Александр или, если вспомнить деятелей, более близких к нашему времени, Наполеон, существовали и совершали удивительные поступки, невозможные для других людей. Мы читаем о чудесах, совершенных Моисеем, Святым Петром, Буддой. Отказываемся ли мы верить, что такие люди когда-либо существовали, потому что их записанные деяния по большому счету несовместимы с теориями современной науки? Ведьма несет в своих тощих руках историю и сверхъестественное. Давайте поостережемся: как бы она, изгнанная из наших селений, не унесла все это с собой, оставив нам происхождение видов, радиий, граммофон и какие-нибудь далекие от совершенства летательные аппараты.

Те же летательные аппараты служат еще одним аргументом в пользу ведьмы. Нужно ли отрицать возможность того, что она обладала способностями, многими из которых обладаем мы сами? Ведьма летала по воздуху на метле. Одни только пилоты Генри Фарман и Уилбур Райт, из целой армии им подобных, делают то же самое ежедневно, пока пишутся эти строки. Подавляющее большинство людей никогда не видели ни одного из

этих джентльменов. Мы верим в их достижения, полагаясь на отчеты газетных репортеров, которым вообще-то свойственно преувеличивать. И все же никто из нас не отрицает, что мистер Фарман существует и умеет летать по воздуху на аппарате, уступающем метле лишь степенью устойчивости. Для чего отказывать ведьме в той вере, которую мы распространяем на воздухоплователя? Или, опять же, ведьма как искореняла, так и вызывала болезни, произнося заклинание, заваривая ядовитый напиток в котле, делая в воздухе пассы. Современный врач выписывает рецепт, смешивает несколько лекарств во флаконе и излечивает пациента. С таким же успехом он мог бы вызвать болезнь, выпустив из флакона невидимые микробы.

Является ли один трюк более достоверным, чем другой? Ведьма насылала ящур на скот, и она же исцеляла его от этой напасти. Даже будучи ветеринаром, она не могла бы сделать больше. В истории, цитируемой в другом месте этой книги, колдун древнеримской эпохи очаровал своих лошадей и таким образом выиграл гонки на колесницах. Мы отказываемся верить в такие вещи, но все же предостерегаем современных лудоманов (*лиц с болезненным пристрастием к азартным играм*) от участия в скачках. Ведьма может как вызвать дождь, так и остановить его. Не проходит и месяца, чтобы мы не прочли где-нибудь о том, что где-то пустыня расцвела подобно розе благодаря орошению или другим средствам. А несколько месяцев назад нам стало известно о том, что один итальянский ученый открыл средство, с помощью которого Лондон можно избавить от туманов, с помощью хитроумного применения электричества. Правда, с тех пор у нас было немало туманных дней. Но считает ли кто-нибудь этот трюк невероятным?

Во всем длинном списке ведьмовских деяний нет ни одного, которое заслуживало бы большего, чем коротенькая заметка на последней странице газеты, если бы оно было совершено в современном Лондоне. Откуда же тогда это упорное неверие в то, что вполне правдоподобно? Видимо, это обусловлено во многом мнением о том, что ведьма творит чудеса с помощью Дьявола,

а не динамо-машины. Но должны ли мы поэтому клеймить ее как самозванку? Уж точно не те из нас, кто верит в личного Духа Зла. Я не знаю, какая доля исповедующих христианство в наши дни отводит Дьяволу место в своей вере, но таких людей наверняка немало. И то же самое относится ко многим нехристианским верованиям. У тех, кто может принять Дьявола, нет никакого оправдания для отвержения ведьмы. И это не труднее для тех, кто, отвергая Дьявола, принимает существование какого-то Злого Принципа – фактически признает, что такое понятие, как зло, вообще существует. Для них яркие эпизоды из жизни ведьмы, подписание дьявольских контрактов, полеты на шабаш и прочее в этом роде лишь аллегорически выражают тот факт, что ведьма творила зло и не стыдилась этого, поскольку так она просто окольными способами выражала великую истину, напоминающую первые три главы книги Бытия или историю о том, как Ганнибал пробил себе путь через Альпы с помощью уксуса.

У добросовестного агностика, опять же, причин не верить в ведьм и все их деяния не больше, чем отказывать в вере таким историческим персонажам, как Клеопатра и Жанна д'Арк, а они обе были выдающимися ведьмами, согласно записанным воспоминаниям о них. Я уже умалчиваю о великой армии неортодоксальных сект. Ведьмовство находится не в худшем положении, чем другие части ниспосланной Богом религии, которые принимают или не принимают, в зависимости от собственных склонностей, христианские ученые и им подобные, многие из которых объединяются с ортодоксами, признавая принцип Зла в той или иной форме.

Иногда в качестве аргумента в пользу безоговорочной веры в библейскую легенду о Всемирном потопе приводится то, что ее распространенность среди всех народов человечества от Китая до Перу можно объяснить только принятием Ноя и его Ковчега. Насколько убедительнее тот же аргумент подтверждает истинность ведьмы. Ее не только принимали во все эпохи в разных частях света, но и всегда и всюду наделяли одними и теми же дарами. Мы видим, что ведьма древнего Вавилона ис-

кусна в изготовлении тех самых восковых или глиняных образов, которые королева Англии XIX века использовала в своей практике. Ведьмины узлы, заклинания, зелья, гадания – ведьма была столь же консервативна, сколь и терпелива. Любое другое ремесло меняется, из века в век трансформируя свои аспекты и методы, и только ведьма осталась верна своим изначальным идеалам, уверенная в совершенстве своей магии.

И в награду ей за такую беспримерную стойкость мы, порождения современности, отказываем в существовании, прежде и ныне, этому единственному неизменному человеческому типу, этой вершине человеческих усилий! Опираясь, таким образом, на Священные Писания (не говоря уже о религиозных текстах буддистов, брахманов, магометан и любой другой мировой религии, все чаще поддерживаемых, хотя и невольно, научными исследованиями всей необъятности нашего невежества, приемлемых как для ортодоксальных, так и для неортодоксальных, подтверждаемых историей и личными свидетельствами авторитетов), мы в своем неприятии ведьм опираемся лишь на догматизм одного незначительного класса, нераскаявшихся атеистов, ослепленных несовершенством своих чувств вплоть до отрицания всего, что выходит за рамки их слабого понимания.

Отказывая в признании целой плеяде женщин, которые, несмотря на все свои заблуждения и на чудовищные трудности, выпавшими на их долю, упорно и с альтруистическим воодушевлением выполняли возложенную на них задачу, а также отесняя в темный угол детской тех, кто оставил в летописи мира неизгладимый след, мы, опираясь на столь слабые и ненадежные свидетельства, заклеим себя самыми настоящими материалистами. Давайте лучше верить (тем самым мы докажем нашу веру в человеческую природу), что еще долго после того, как последний атеист уйдет в небытие, на которое он претендует по самой своей философии, ведьма, вновь вознесенная на свое почетное место, продолжит управлять жизнями и судьбами своих приверженцев так же бесспорно, как и во времена Саула и Оливера Кромвеля. Именно в женщинах мы должны

искать главный стимул для этого возрождения. У более верующей, набожной половины человечества есть еще одно, особое, основание для симпатий к ведьме.

В такие дни, как наши, когда проблема прав и несправности женщин является одной из самых насущных и неотложных, было бы столь же анахроничным для женщины, сколь и противоестественным для нее позволить высокой цели, ангельскому терпению, благородной выдержке в исследованиях представительниц ее пола (в том числе некоторых из самых заслуженно знаменитых женщин в истории) – всему этому не только быть забытым, но и развенчанным и отрицаемым. Сможем мы найти более подходящую и достойную фигуру на роль Покровительницы великой борьбы за свободу, чем оклеветанная и казнямая, но при этом стойкая и поныне загадочная ведьма, преследуемая рукотворными законами и вечно восстающая против них? Нет, не сможем.

Итак, пришла пора оценить артистический темперамент Нерона. Синяя Борода предстает перед нами в новом и более добром обличье эксцентричного маршала Франции. Многие из нас готовы поверить, что Чезаре Борджиа действовал из ошибочного чувства долга, а Мессалина всего лишь проявила качества, присущие блестящему жожаку Общества.

Несомненно, среди них всех нет ни одного, более заслуживающего «обеления», чем этот показательный пример непонятой и неоцененной женщины, ведьмы. Мы можем не одобрять все ее поступки, не признавать ее примером для всеобщего подражания, но давайте (по крайней мере, пока) уклонимся от обвинений в ограниченности и недостатке воображения, чтобы воздать ей должное, если не слезой, то хотя бы почтительным доверием.

Глава 2.

Ведьмовской шабаш

Над головой разверзлись хляби небесные. Весь день ветер, становясь все более неистовым, нагонял с востока огромные гряды свинцовых туч, суматошно швырял их по небу, разрывал на длинные ленты и сбивал в один вихревой клубок, сквозь который робкому лучу луны еле удастся пробить себе дорогу. Припозднившемуся путнику предстоит выдержать целую череду бешеных шквалов, прежде чем он сможет преодолеть последний подъем и увидеть под горой деревушку, проступившую в ночи под мимолетным отблеском водянистого лунного света. Тех, кто лежит в своих постелях, будят стонущие под напором ветра карнизы, и они испуганно бормочут: «Сегодня ночью разгулялись ведьмы!»

Ведьма живет одна в лощине, в ста ярдах от последнего дома в деревне. Лощина – это заросли кустарника, через которые из-

вилистая тропа ведет к двери ее дома. Над крышей нависают спутанные ветви деревьев – даже когда луна, на мгновение выйдя из-за облаков, посылает вниз более яркий луч, чем прежде, это лишь подчеркивает скрытность ветхой, поросшей мхом соломенной крыши и зловещих растений – белены, пурпурного паслена или белой брioniи, – растущих вдоль стен. Только очень смелый человек в деревне рискнул бы отправиться в лошину ведьмы в такую ночь. Кажется, сам ветер завывает среди качающихся и стелющихся ветвей уже не так смело, и здесь мало что напоминает его безоглядное неистовство на открытой местности.

В хижине ведьмы всего одна комната, обставленная очень бедно. Деревенские дети, шепчущиеся о накопленных богатствах старой матушки Хэкетт, когда она проходит мимо них в сумерках, не знают, до чего скудна пища и скромны быт той, которая должна была бы рассчитывать на большее, продавшись такому хозяину. Она спит на земляном полу, постелив вместо матраса тюфяк с сосновыми иголками. Сестра она может лишь на сломанный табурет. Над тлеющими углями в глиняном очаге висит большой железный котел.

За час до полуночи, в канун ведьмовского Первомая, среди этих тлеющих углей начинается шевеление. Угли раздвигаются, и из-под них в комнату вылезает Нечто размером с лису, черное и волосатое, бесформенное и со множеством лап. Два его зеленых глаза излучают призрачный свет, зловеще озаряющий комнату. Существо движется по полу, словно огромная гусеница. Когда оно приближается к ведьме, она вытягивает тощую руку и ворчит во сне. Существо достигает кровати, забирается на нее и что-то бормочет ведьме на ухо. Она просыпается, приподнимается на локте и что-то раздраженно отвечает ему. Она явно не боится Существа (этот гость хорошо ей знаком), а только сердится и ругает его визгливым старушечьим голосом за то, что оно зря потревожило ее: разве нет у нее отметин Дьявола на груди и бедрах – круглых синих пятен, невосприимчивых ко всякой боли, но зудящих и пульсирующих, когда прихо-

дит время заняться ведьмовским ремеслом? Существо, нимало не смущаясь ее руганью, напоминает ей, что последний шабаш она проспала. Но ведьма отрицает этот факт. Так они дразнят друг друга, при этом она называет его Укусным Томом. Затем они хохочут, вспоминая свои старые проделки и придумывая новые.

Лунный луч пробивается сквозь дыру в соломенной крыше. Там, где лежала ведьма, теперь сидит черная кошка, крупнее любого представителя этого вида, размером почти с осла. Она все еще говорит голосом ведьмы и ненадолго замирает. Две пары зеленых глаз наблюдают друг за другом во тьме. Наконец, небрежно попрощавшись, кошка несется к дымоходу и исчезает в нем. Бесформенное Существо остается на кровати. Его бока подрагивают, когда оно тихонько хихикает: отчасти совсем как человек, отчасти бесконечно далекий от человека своей непристойностью. А черная кошка тем временем спешит к деревне под сенью кустарника. Когда она оказывается в пределах видимости крайнего дома, она сходит с тропинки и направляется в поросшую дроком пустошь за пастбищем, придерживаясь ее до тех пор, пока не оказывается напротив дома возчика Дикона. Три дня назад у Дикона и его жены Мэг родился ребенок. Он еще не крещен, потому что священник живет в четырех милях отсюда, за холмами, а Дикон был слишком занят работой, чтобы съездить за ним. Завтра будет достаточно времени, потому что это самый здоровый ребенок, чтобы не сказать самый красивый, которого видели на своем веку окрестные сплетницы. Возможно, если бы Мэг в своем счастье не забыла, как сразу после их свадьбы престарелая матушка Хэкетт принялась мелко креститься, проходя мимо двери их дома, как она закричала тогда на старушку, обозвав ее мерзкой ведьмой, то ей, возможно, не спалось бы сейчас так мирно со своим первенцем на груди.

Черная кошка крадется под тенью живой изгороди. Старый верный пастуший пес, оставленный охранять ночью стадо, видит, куда идет кошка, и, приняв ее за таящуюся лису, бросается к изгороди, заливаясь яростным лаем. Но при первом же про-

блеске зеленых глаз, когда кошка поворачивает к нему голову, он понимает, с чем ему придется столкнуться, и, скуля и поджав хвост, улепетывает в поисках убежища в заросли дрека: собака распознает ведьму быстрее своего хозяина, а боится ее ничуть не меньше.

Черная кошка приходит к жилищу Дикона, выжидает какое-то время, чтобы убедиться в том, что все тихо, затем прыгает на низкую крышу, забирается на самый ее верх и спускается по дымоходу в комнату, где спит вся семья. Кошка снова ждет, прислушиваясь к ровному дыханию людей. Ее хвост подрагивает от подавляемого возбуждения. Она встает на задние лапы и совершает определенные пассы в воздухе: на север и юг, на восток и запад. Кошка подходит к кровати и незаметно забирает ребенка из рук спящей матери. Он снова направляется к дымоходу и в два прыжка оказывается на открытом воздухе, унося ребенка, устроившегося на ее теплой черной шерсти. Едва она успевает приблизиться к тени живой изгороди, как мать – возможно, из-за смутного предчувствия опасности – открывает глаза. Но на груди у нее лежит теплый комочек, и она снова спокойно засыпает. Если бы вы заглянули сейчас в дом ведьмы, то обнаружили бы, что черное бесформенное Существо исчезло, потому что дьявольские посланники могут принимать любой облик, какой пожелают, служа своему хозяину.

Черная кошка со спящим подопечным спешит обратно к лощине. Добравшись до хижины, он кладет ребенка на кровать, дважды поворачивается, и в тот же миг там, где только что была кошка, стоит ведьма в одной сорочке. Она чего-то ждет, тревожится и беспокоится. Она ходит взад и вперед по комнате, что-то бормоча себе под нос.

Когда ребенок проснулся и заплакал, она взяла его на руки и успокоила, как любая женщина на ее месте. Близится полночь, но знамение еще не пришло: Лукавый, этот образец непостоянства, никогда, до самого последнего момента, не сообщает своим служителям ни время, ни место встречи, а если и сообщает, то каким-то причудливым образом.

Фамильяры ведьмы

Наконец, когда ведьма вконец измучена беспокойством, не прогневала ли она невольно своего хозяина, раздается тихое хлопанье крыльев по соломенной крыше, и через отверстие, служащее дымоходом, с шелестом спускается черный ворон с горящими глазами. Он подлетает к ведьме и садится прямо на ее плечо, после чего хрипло нашептывает ей что-то на ухо, в то время как льющийся из его глаз свет выделяет на фоне темноты худые черты ее бледного подергивающегося лица.

Нетерпеливо кивая в знак согласия, матушка Хэкетт ковыляет к своей кровати и, открыв тайник среди шуршащих сосновых иголок, достает из него флакон. Затем она направляется в угол рядом с очагом и подбирает прислоненную к стене метлу. Ворон слетает с ее плеча на подушку и оттуда наблюдает за ней, склонив голову набок. Она открывает флакон и размазывает его содержимое по всей метле.

Мазь сияет фосфоресцирующим светом, порожденным тлением, потому что она приготовлена из черного проса и высушенной измельченной печени некрещеного ребенка, точно такого же, как лежит сейчас на кровати ведьмы. Мрачный во-